

DOI: 10.15643/libartrus-2020.2.3

Homoiōsis theōi в «Дидаскалик» Алкиноя

© А. А. Сутяпов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Россия, 119234 г. Москва, Ленинские горы, 1.

Email: sutiapov@gmail.com

В статье рассматривается интерпретация средним платоником Алкиноем в «Учебнике платоновской философии» платоновского «догмата» об уподоблении богу, как цели человеческой жизни. Ключевыми диалогами для интерпретации Алкиноя являются «Теэтет», «Федон», «Государство», в которых уподобление богу связывается Сократом с практикой добродетели, что составляет определенную теоретическую трудность, поскольку после замечаний Аристотеля в «Никомаховой этике» бога в собственном смысле нельзя назвать добродетельным. Алкиной решает эту проблему, различая двух богов: бога, превосходящего добродетель и бога, обладающего добродетелью. В статье аргументируется, что под первым богом Алкиной в обычном для него духе синкретизма понимает трансцендентного бога «Метафизики» Аристотеля, тогда как под вторым богом подразумевается Демидург «Тимея». Платоновский Демидург становится образцом для добродетельной жизни философа, в которой созерцательная и практическая деятельность выступают необходимыми моментами в достижении цели человеческой жизни – уподоблении богу.

Ключевые слова: этика добродетели, средний платонизм, Алкиной, Дидаскалик, *homoiōsis theōi*.

В этической части «Учебника платоновской философии», или «Дидаскалика», платоник середины второго века Алкиной обращается к знаменитому отступлению «Теэтета» (176a-c), в котором слова Сократа о посильном уподоблении богу (*homoiōsis theōi*) трактуются в среднем платонизме, – вероятно, начиная с Евдора Александрийского [2, с. 126], – как указание на цель человеческой жизни, или на ее *телос*. Приведем парафразу этого места «Теэтета» у Алкиноя: «Уподобиться божеству – значит, быть разумным (*φρόνιμον*), справедливым (*δίκαιον*) и благочестивым (*δσιον*), потому и надо стремиться как можно быстрее бежать отсюда туда: бегство означает посильное уподобление божеству, а уподобление заключается в том, чтобы стать разумно справедливым и разумно благочестивым» («Дидаскалик», 28, 181.21–26)¹.

В подтверждение того, что уподобление богу является платоновским учением, Алкиной приводит несколько пассажей из платоновских диалогов, что можно рассматривать как обычную среднеплатоническую практику работы с платоновскими текстами. Так, после *locus classicus* «Теэтета» следует необычный в этом контексте пассаж из «Федона» (82a): «Уподобление богу заключается в том, чтобы стать умеренным и справедливым (*σώφρονα ἄμα καὶ δίκαιον γενέσθαι*)» («Дидаскалик», 28, 181.30–36). На самом деле речь здесь у Платона вовсе не идет о *homoiōsis theōi*. Сократ не без иронии называет тех, кто был умеренным и справедливым (*σώφροσύνην τε καὶ δικαιοσύνην*), – но без ума и философии, – самыми счастливыми (*εὐδαιμονέστατοι*), такие люди в следующей жизни «снова окажутся в общительной и смиренной

¹ «Дидаскалик» приводится в переводе А. Ю. Шичалина по изданию «Учебники платоновской философии» [1], пагинация – по изданию Уиттакера [5] (далее места из «Учебника» отмечаются только по пагинатору).

породе, среди пчел, или, может быть, ос, или муравьев» (Федон», 82b)². Алкиной оставляет без внимания как ироничный контекст сократовского рассуждения, так и то, что это добродетели «ἀνευ φιλοσοφίας τε καὶ νοῦ», и силлогистически связывает пассаж «Федона» с учением об уподоблении богу, поскольку для него телос и счастье (εὐδαιμονία) совпадают, согласно аристотелевскому и стоическому определению телоса. И если цель человеческой жизни состоит в уподоблении богу, то само уподобление будет заключаться в бытии умеренном и справедливым³.

Примечательно, что добродетель в «Федоне», названная народной и политической (δημοτικήν τε καὶ πολιτικήν), которую поздние неоплатоники (Порфирий, Ямвлих) отнесут к низшему уровню в разработанной ими иерархии добродетелей, служит у среднего платоника Алкиной делу уподобления богу. Но в духе времени экзегеза Алкиной, обусловленная форматом учебника платоновских догматов, направлена на подтверждение тезиса о том, что учение о *homoïōsis theōi* выражено Платоном различным образом, а не на прояснение вопроса, как связана необходимость бегства отсюда («Теэтет») с практикой политической добродетели («Федон»).

Бог ἐπουράνιος и бог ὑπερουράνιος

Если уподобление богу возможно для человека через практику добродетели, то подразумевается, что бог сам добродетелен⁴. Однако Алкиной удерживается от того, чтобы без оговорок приписать богу добродетели, следуя в этом «Никомаховой этике» (VII. 1, 1145a 25–27 и X. 8, 1178b10–20), в которой Аристотель указывает на то, что ни добродетель, ни порочность не могут быть отнесены богу. С оглядкой на теологические выкладки Аристотеля⁵ в 28 главе Алкиной различает бога ὑπερουράνιος, превосходящего добродетель, и ἐπουράνιος – бога, который обладает добродетелью («Дидаскалик», 28, 181.44). В последних переводах на европейские языки ἐπουράνιος и ὑπερουράνιος были переведены схожим образом: ἐπουράνιος – «in the heavens» [курсив Диллона – А. С.] (пер. Диллона [6]), «dans le ciel» (пер. Луи [4]), «небесный бог» (пер. Шичалина [1]); соответственно ὑπερουράνιος – «above the heavens» (Dillon), «supracéleste» (Louis), «занебесный» (Шичалин).

Текстологически различие двух богов, ἐπουράνιος и ὑπερουράνιος, вероятно, имеет своим источником пассаж из «Федра» (247c), в котором описывается, как души на небесном своде (ἐπὶ τῷ τοῦ οὐρανοῦ νότῳ) созерцают то, что за пределами неба (τὸν δὲ ὑπερουράνιον τόπον). С определением бога как ἐπουράνιος также может быть соотнесено место из «Тимея» (34b), в котором душа располагается Демиургом вокруг небесного свода.

² «Федон» цитируется в переводе С. П. Маркиша по изданию: Платон. Соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1993 С. 38.

³ В цитируемом месте «Федона» Алкиной заменяет глагол εἶναι («быть») на глагол γενέσθαι («стать»), тогда как в цитируемых им пассажах из «Государства» и «Теэтета» стоит глагол εἶναι, тогда как глагол Платона – γενέσθαι. И хотя подобные парафразы обычны для Алкиной [5, р. xvii–xxx], в нашем случае их можно объяснить и тем, что в одном случае речь идет о добродетельном состоянии (быть справедливым), а в другом случае о процессе его достижения (становиться справедливым). О том, что ὁμοίως θεῶν рассматривается как состояние души (πάθημα) см. «Дидаскалик» 2, 153.5–9, а о том, что Алкиной допускает моральное совершенствование (προκοπῆ) – «Дидаскалик» 30, 183.17–19.

⁴ Уподобление, согласно «Тимею» (30d–31a), возможно только в том случае, если существует сходство между образцом и тем, что ему уподобляется, или, иначе говоря, имеется общее свойство: добродетельный человек уподобляется добродетельному богу.

⁵ Примечательно, что современник Алкиной Секст Эмпирик в девятой книге «Против ученых» (152–177) также отвергает антропоморфный взгляд на богов, приписывающий им добродетели.

В десятой главе, посвященной теологии, Алкиной говорит о боге, названном в 28 главе ὑπερουράνιος, как о причине вечной деятельности *ума целокупного неба*. И хотя первый бог «почти что невыразим» (μικροῦ δεῖν καὶ ἄρρητον), Алкиной определяет его следующим образом: он «действует, оставаясь при этом неподвижным» (ἀκίνητος), «вечно мыслит себя самого и свои мысли» (τὰ ἑαυτοῦ νοήματα ἀεὶ νοοίη), «вечный» (αἰδίος), «самодовлеющий» (αὐτοτελής), «вечносовершенный» (ἀειτελής), «совершенный во всех отношениях» (παντελής), «причина всякого блага» (παντὸς ἀγαθοῦ αἴτιος), отец, поскольку он «причина всего и упорядочивает небесный ум и мировую душу» (τὸν οὐράνιον νοῦν καὶ τὴν ψυχὴν τοῦ κόσμου). Таким образом, вслед за Джоном Ристом [13, р. 167], мы можем заключить, что под ὑπερουράνιος Алкиной имеет в виду мыслящий себя Ум двенадцатой книги «Метафизики».

Некоторую разногласию мнений современных исследователей вызывает вопрос о том, какую божественную сущность Алкиной называет ἐπουράνιος, поскольку различие двух богов вводится в 28 главе ad loc. и больше нигде в тексте «Дидаскалика» не встречается. В своем комментарии к этому месту Диллон предполагает, что второй бог – «ум целокупного неба» десятой главы [6, р. 173]. Таррант считает, что под небесным богом Алкиной имеет в виду разумную часть мировой души «Тимея» (90d), отвечающую за круговращение неба [17, р. 420]. Седли отождествляет второго бога с «благодетельно правящей мировой душой» [16, р. 173]. По мнению Донини, Алкиной подразумевает под вторым богом «ум мировой души» [9, р. 118].

Второй бог 28 главы, согласно предположению Донини [9, р. 123], может быть отождествлен с Демиургом «Тимея». Гипотеза Донини позволяет объяснить, в каком смысле второй бог связан с добродетелями. Демиург назван в «Тимее» благим (29а, 30а), и Алкиной указывает, что бог является причиной всякого блага («Дидаскалик», 10, 164.37). Если под вторым богом Алкиной подразумевает платоновского Демиурга, то демиургические добродетели связаны с видимым космосом, по отношению к которому Демиург проявляет провиденциальную заботу.

Из текста Алкиной трудно вывести связную теологию. Границы между божественными сущностями недостаточно очерчены, чтобы составить о них отчетливое представление. И все же Алкиной в 28 главе однозначно указывает, что человек уподобляется добродетельному богу. Хотя не вполне ясно, можно ли без оговорок отождествить Демиурга «Тимея» с умом мировой души или часть его функций в «Дидаскалике» делегирована первому богу, тем не менее Демиурга нельзя считать трансцендентным богом, поскольку платоновский Демиург связан с миром, благ и осуществляет о нем свою заботу. В «Тимее», который Алкиной в основном принимает во внимание в физическом разделе «Учебника», Демиург, «будучи чужд зависти, пожелал, чтобы все вещи стали как можно более подобны ему самому» («Тимей», 29е)⁶. Таким образом, допустимо предположить, что в качестве второго бога, связанного с добродетелью, Алкиной имеет в виду платоновского Демиурга.

Предложенная интерпретация позволяет сделать некоторые этические выводы. Так, человек должен подражать богу в его добродетельном отношении к миру, а не в его ноэтическом и трансцендентном качестве. Если рассматривать уподобление богу в свете аристотелевского разделения жизни на теоретическую и практическую, можно заключить, что Демиург выступает в качестве образца для практической, а не созерцательной жизни, поскольку его деятельность состоит в упорядочивающей и провиденциальной заботе о мире: Демиург, скорее, пра-

⁶ «Тимей» дан в переводе С. С. Аверинцева по изданию: Платон. Соч. в 4 т. Т. 3. М., 1994. С. 433.

витель, чем философ. Тем не менее это не означает, что Алкиной ставит практическую деятельность выше теоретической. Напротив, во второй главе он говорит о том, что практическая жизнь имеет второстепенное значение. Однако, как отметил Дэвид Седли, предпочтение теоретической жизни для Алкиной не противоречит тому, что «для него платоническая формула ὁμοίωσις θεῷ это прежде всего моральная цель, достигаемая в практической деятельности (in practical conduct)» [16, p. 173]⁷.

Какой образ жизни соответствует *homoiōsis theōi*?

Во второй главе «Дидаскалика» Алкиной вводит аристотелевское разделение созерцательной (ὁ θεωρητικὸς βίος) и практической жизни (ὁ πρακτικὸς βίος). Теоретической жизни в «Дидаскаликe», как мы отметили, отдается приоритет, более того: «душа, созерцающая божественное и божественные мысли, пребывает в хорошем расположении (εὐπαθεῖν), и это ее состояние называется мудростью (φρόνησις), которая отождествляется с уподоблением божественному («Дидаскалик», 2, 153.5–9). Используемый здесь термин φρόνησις имеет в этом аристотелевском контексте рассуждения о двух образах жизни платоническое значение теоретической деятельности и перекликается с местом из «Тимея» (47c), где созерцание небесных круговращений названо способом обрести божественную φρόνησις. Для Алкиной объектом созерцания становятся не небесные движения, как в «Тимее», а само божество (τὸ θεῖον) и его мысли (τὰς νοήσεις τοῦ θεοῦ), под которыми в среднем платонизме понимались платоновские идеи.

На первый взгляд, Алкиной противопоставляет два образа жизни, но возможно, что теоретическая жизнь не представляет для него полную противоположность практической деятельности. Первая является «беспрепятственной» жизнью (ἀκώλυτόν) и «зависит от нас» (ἐφ' ἡμῖν), что, возможно, следует понимать так, что созерцание не прерывается внешними обстоятельствами, но осуществляется непрерывно, даже тогда, когда философ отвлекается практическими делами.

Дэвид Седли в своей статье [16] предлагает интересное толкование теоретической жизни в «Учебнике». Ни созерцательная, ни практическая жизнь не может быть отождествлена с философской жизнью как целым, поскольку обе являются ее необходимыми сторонами, пусть и с безусловным предпочтением созерцательной деятельности перед практической. Седли приходит к следующему выводу: для Алкиной философ, занятый практической деятельностью, тем не менее не прерывает созерцательную [16, p. 180].

Седли также обращает внимание на язык, используемый Алкиноем для выражения отношений между двумя образами жизни. Так, автор «Дидаскалика» говорит, что практические действия будут осуществляться всякий раз, когда состояния дел требуют, чтобы философ перенес в человеческие нравы то, что он видит в созерцательной жизни (ἃ κατὰ τὸν θεωρητικὸν βίον ὁρᾶται) («Дидаскалик», 2, 153.13–15). Выбор настоящего времени не предполагает какого-либо временного разрыва между двумя видами деятельности. Седли пишет: «Используемый язык допускает и даже возможно побуждает к чтению, согласно которому, созерцательная и практическая жизни являются двумя сторонами одной жизни философа. Когда тот погружен в практическую жизнь, он в то же самое время продолжает жить созерцательной жизнью, в той мере, в какой он постигает трансцендентные идеи» [16, p. 180].

⁷ К такому же выводу приходит и Джулия Эннес [7, p. 59].

Если наша интерпретация верна, и под вторым богом Алкиной имеет в виду Демиурга, то это позволит лучше понять, с каким видом жизни Алкиной связывает уподобление богу. Демиург формирует видимый космос, созерцая его идею. Действуя таким образом, он выступает в качестве этического образца для философа, который должен поступать соответствующим образом: вносить порядок как в свою душу, так и в нравы людей, в соответствии с идеями, которые он созерцает. Следовательно, соотнесение уподобления богу с созерцательной деятельностью второй главы не будет противоречить тому, что в 28 главе об уподоблении богу говорится как о практике этических добродетелей, т.е. подражанию второму богу, чья добродетель осуществляется по отношению к космосу.

Этот вывод может быть усилен тем, что Алкиной отдает предпочтение некоторым практическим занятиям. Так, например, деятельности генерала, судьи и посла должны выполняться только в том случае, если этого требуют обстоятельства, тогда как законодательство и воспитание молодежи называются наилучшими и самыми важными в сфере практики («Дидаскалик», 2, 153.17–19). То есть они выступают не внешней необходимостью, но полноценной частью философской жизни, тем более, что деятельности законодателя и педагога являются интеллектуальными по своей сути.

Таким образом, в «Дидаскалик» теоретическая жизнь не рассматривается в противоположность практической. Скорее, она является состоянием души (εὐπαθειν), которое должно сохраняться у философа даже тогда, когда тот занят практическими делами. Алкиной подчеркивает необходимость того, чтобы философ всегда пребывал в контакте с интеллигибельной реальностью. Для этого тот должен отказаться от большинства человеческих дел (τὰ πολλὰ τῶν ἀνθρώπινων πράξεων), что не подразумевает эскапизма. Алкиной указывает, что, если мы «приобретем хорошие привычки, будем должным образом наставлены и воспитаны в духе закона» («Дидаскалик», 28, 182.3–8), это поможет нам в уподоблении богу, что свидетельствует о важности практической жизни, пусть и в ее определенном аспекте.

Виды жизни, различенные Аристотелем, «платонизированы» Алкиноем и становятся единым целым в достижении идеала человеческой жизни – *homoiosis theōi*. Телос человеческой жизни состоит не только в чистом созерцании трансцендентных идей, но и в добродетельной жизни, – двух видах деятельности для которых Демиург выступает божественным образцом.

Обращение автора «Учебника платоновской философии» к теме бегства из мира, в котором добро и зло неизбежно смешиваются, и его трактовка цели человеческой жизни, ее предела – счастья, как уподобления божеству посредством добродетели, имело значение для последующей истории философии, поскольку именно через Алкиноя Плотин [10, р. 224–225] в трактате I 2 «О добродетели» – а через Плотина и последующие поколения неоплатоников – принял и развил тему, поднятую Сократом в знаменитом отступлении «Теэтета» (176ab). Даже не принимая интересную, но спорную интерпретацию Дэвида Сэдли, делающую Алкиноя предтечей Плотина с его концепцией о непрерывном созерцании высшей части души, мы можем выделить некоторые важные аспекты в интерпретации Алкиноя для последующей неоплатонической экзегезы дигрессия «Теэтета». Во-первых, бегство из мира получает персоналистский религиозный характер, который будет развит Плотинем в экзистенциальном ключе [4, с. 135]; во-вторых, различие двух богов, которое в последующем платонизме послужит основой для создания сложной иерархии добродетелей, а также концепции Плотина двух видов подобия – «подобного подобному» и «подобного неподобному». Спустя примерно столетие после Алкиноя Плотин пойдет далеко вперед и разовьет собственную оригинальную

концепцию уподобления богу. В настоящей статье мы попытались представить работу его предшественника в этом направлении, тот контекст, в котором происходила работа мысли Плотина, и указать на те основные черты, которые были в ней сохранены.

Литература

1. Алкиной. Учебник платоновской философии // *Учебники платоновской философии*. М., **1995**. С. 67–100.
2. Диллон Д. *Средние платоники*. СПб., **2002**. 448 с.
3. Бугай Д. В. Как читать платоновский «Теэтет». К интерпретации «диалектических» диалогов // *Вопросы философии*. **2018**. №1. С. 170–180.
4. Бугай Д. В. Трактат Плотина «О добродетелях» (I 2) и его интерпретация Порфирием и Марином // *Вопросы философии*. **2002**. №8. С. 134–141.
5. Alcinoos. *Enseignement des doctrines de Platon* / Ed. J. Whittaker. Paris, **1990**. 253 p.
6. Alcinous. *The handbook of Platonism*. Oxford, **1993**. 227 p.
7. Annas J. *Platonic Ethics, Old and New*. New York, **1999**. 204 p.
8. Baltzly D. The virtues and Becoming like God: Alcinous to Proclus // *OSAP*. **2004**. Vol. 26. Pp. 297–321.
9. Donini P. L. La connaissance de dieu et la hiérarchie divine chez Albinos // *Knowledge of God in the Graeco-Roman world* / Ed. R. Van der Broek. Leiden, **1988**. Pp. 118–131.
10. Dörrie H. Die Frage nach dem Transzendenten im Mittelplatonismus // *Les Sources de Plotin: Dix Exposés et Discussions*. Genève, **1960**. Pp. 191–242.
11. Eliasson E. *The Notion of “That Which Depends on Us” in Plotinus and its Background*. Leiden, **2008**. 256 p.
12. O’Brien C. S. Alcinous’ Reception of Plato // *Brill’s Companion to the Reception of Plato in Antiquity* / Ed. H. Tarrant. Vol. 13. Leiden, **2018**. Pp. 171–182.
13. Rist J. M. *Eros and Psyche: studies in Plato, Plotinus and Origen*. Toronto, **1964**. 238 p.
14. Sedley D. Becoming like God in the Timaeus and Aristotle // *Interpreting the Timeus – Critias* / Ed. T. Calvo, L. Brisson. Sankt Augustin, **1997**. Pp. 327–339.
15. Sedley D. Becoming Godlike // *The Cambridge Companion to Ancient Ethics* / Ed. Chr. Bobonich. Cambridge University Press, **2017**. Pp. 319–337.
16. Sedley D. The Theoretikos Bios in Alcinous // *Praxis and the Contemplative Life after Plato and Aristotle* / Ed. T. Bénatouïl, M. Bonazzi. Leiden, **2012**. Pp. 163–181.
17. Tarrant H. Moral goal and moral virtues in Middle Platonism // *Greek and Roman Philosophy 100 BC – 200 AD* / Ed. R. W. Sharples, R. Sorabji. London, **2007**. Vol. II. Pp. 419–429.
18. Torri P. The telos of Assimilation to God and the Conflict between theoria and praxis in Plato and the Middle Platonists // *Thinking, Knowing, Acting: Epistemology and Ethics in Plato and Ancient Platonism* / Ed. M. Bonazzi. Leiden, **2019**. Pp. 228–250.

Поступила в редакцию 02.03.2020 г.

После доработки – 12.03.2020 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2020.2.3

Homoiōsis theōi in Alcinous' Didascalicus

© A. A. Sutiapov

*Moscow State University
1 Leninskiye Gory, 119234 Moscow, Russia.*

Email: sutiapov@gmail.com

The article deals with Middle Platonic philosopher's Alcinous (2nd century AD) interpretation in his "Handbook of Platonism" (Didaskalikos) of the Plato's "dogma" about the likeness to God as the goal of human life. The key dialogues for Alcinous' interpretation are Theaetetus (celebrated digression 176a-c), Phaedo (82a), Republic (354a) and Laws (660e), in which Socrates linked assimilation to God as far as possible with practice of virtue (temperance, justice). However, there is a certain theoretical inconsistency here, since after Aristotle's remarks in the Nicomachean Ethics (Book VII. ch. 1, 1145a 25–27 and Book X. ch. 8, 1178b10–20) God cannot be called virtuous literally. Alcinous solves this problem in his theology by distinguishing two gods: the virtuous one (god in the heavens) and the superior to virtue (god above the heavens). The article argues that the last one is referred by Alcinous according to the usual spirit of syncretism of the age to the Metaphysics' transcendental god of Aristotle (or the self-thinking thought), while by the virtuous god he means the Timaeus' Demiurge, who becomes a model in his benevolent attitude towards the cosmic world for the virtuous life of philosopher. This way of life consists of contemplative and practical activities, which are necessary modes for achieving the goal of human life in Middle Platonism – likeness to God (homoiōsis theōi).

Keywords: virtue ethics, Middle Platonism, Alcinous, Didascalicus, homoiōsis theōi.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Sutiapov A. A. Homoiōsis theōi in Alcinous' Didascalicus // *Liberal Arts in Russia*. 2020. Vol. 9. No. 2. Pp. 115–122.

References

1. Alkinoi. *Uchebniki platonovskoi filosofii*. Moscow, 1995. Pp. 67–100.
2. Dillon D. *Srednie platoniki [Middle platonists]*. Saint Petersburg, 2002.
3. Bugai D. V. *Voprosy filosofii*. 2018. No. 1. Pp. 170–180.
4. Bugai D. V. *Voprosy filosofii*. 2002. No. 8. Pp. 134–141.
5. Alcinous. *Enseignement des doctrines de Platon*. Ed. J. Whittaker. Paris, 1990.
6. Alcinous. *The handbook of Platonism*. Oxford, 1993.
7. Annas J. *Platonic Ethics, Old and New*. New York, 1999.
8. Baltzly D. *OSAP*. 2004. Vol. 26. Pp. 297–321.
9. Donini P. L. *Knowledge of God in the Graeco-Roman world*. Ed. R. Van der Broek. Leiden, 1988. Pp. 118–131.
10. Dörrie H. *Les Sources de Plotin: Dix Exposés et Discussions*. Genève, 1960. Pp. 191–242.
11. Eliasson E. *The Notion of "That Which Depends on Us" in Plotinus and its Background*. Leiden, 2008.
12. O'Brien C. S. *Brill's Companion to the Reception of Plato in Antiquity*. Ed. H. Tarrant. Vol. 13. Leiden, 2018. Pp. 171–182.
13. Rist J. M. *Eros and Psyche: studies in Plato, Plotinus and Origen*. Toronto, 1964.
14. Sedley D. *Interpreting the Timeus – Critias*. Ed. T. Calvo, L. Brisson. Sankt Augustin, 1997. Pp. 327–339.

15. Sedley D. *The Cambridge Companion to Ancient Ethics*. Ed. Chr. Bobonich. Cambridge University Press, **2017**. Pp. 319–337.
16. Sedley D. *Praxis and the Contemplative Life after Plato and Aristotle*. Ed. T. Bénatouïl, M. Bonazzi. Leiden, **2012**. Pp. 163–181.
17. Tarrant H. *Greek and Roman Philosophy 100 BC – 200 AD*. Ed. R. W. Sharples, R. Sorabji. London, **2007**. Vol. II. Pp. 419–429.
18. Torri P. *Thinking, Knowing, Acting: Epistemology and Ethics in Plato and Ancient Platonism*. Ed. M. Bonazzi. Leiden, **2019**. Pp. 228–250.

Received 02.03.2020.

Revised 12.03.2020.